

ГЕТЕРАРХИЯ КАК УСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВА

Виктор Мартьянов

1. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Гетерархия рассматривается в статье как разнообразие присущих каждому историческому обществу властных, символических и прочих ресурсов, которые много шире, нежели сфера, поддающаяся регулированию государства, его институтов и агентов. Поэтому как общество в целом является средой, условием государства, так и совокупная гетерархия является материалом для кристаллизации из нее государственной монополии на право производства и контроля наиболее значимых для общества норм, практик и институтов. Каждому историческому типу государства (традиционно-династическому, национально-бюрократическому, децентрализованно-постмодернистскому) свойственен свой особенный способ оптимизации отношений с гетерархией, методов и попыток ее регулирования и кооптации, в том, что хоть отчасти поддается подобному регулированию. Но рано или поздно изменения общества (культурные, экономические, исторические) и, следовательно, расширение пространства гетерархии ведут к необходимости оптимизации и адаптации к этим изменениям различных форм государственных монополий. В противном случае, если воспользоваться биологической аналогией, не адаптируемый к новым общественным условиям вид государства катастрофическим (революционным) способом меняется новым.

Актуальность данной темы для современной России обусловлена фундаментальным изменением всей повседневности российского общества, его институтов, норм, ценностей, целей, правил. Онтологическая революция российского социума в результате значительно опередила на актуальном этапе развитие как государства, так и категориального и методологического аппаратов социальных наук. Продолжая зачастую оперировать «вчерашними» представлениями и модернистскими концептами общественознания, современное государство оказы-

вается бессильным перед вызовами будущего, которое осуществляется здесь и сейчас. Случившиеся изменения можно кратко характеризовать как отход от национальной модели общества классического Модерна к формированию нового общества — децентрализованного, сетевого, информационного, постмодернистского, постиндустриального, урбанистического, «общества потребления» и т. п. На наш взгляд, все перечисленные определения скорее суть описательные метафоры и методологические черновики. Поэтому они могут претендовать скорее на описание тенденций и контуров ближайшего будущего, чем на эссенциализм в отношении «нового общества».

Безусловно, изменение типа новейшей российской государственности не могло не последовать за шоковыми социально-политическими и экономическими трансформациями, долго и смутно вызревавшими в последней трети XX века. Сегодня, после шока социально-политических реформ и изменения всего привычного уклада повседневности наступила относительная стабилизация. Становится возможным говорить о складывающихся в обществе тенденциях и закономерностях, присущих его новому состоянию. Проблема заключается в том, что нынешняя стабильность статус-кво в России была достигнута во многом ценой прямого подавления гетерархии, свертывания механизмов влияния общества на государство. Отчасти подобное положение стало возможным не только благодаря властным элитам, но и самому «индивидуализировавшемуся» российскому обществу, во многом добровольно отказавшемуся от участия в политике и диалога с государством как инструментом для достижения тех или иных целей.

На начальном этапе «тихой революции» обновленное российское государство и его лидеры даже постарались выступить главными локомотивами социальных изменений, следуя хрестоматийной и вполне справедливой мысли о том, что главный исторический агент изменений и модернизаций в России — само государство. Общество в России за последние двадцать лет действительно изменилось достаточно сильно, далеко уйдя от категориальной сетки модернистского обществознания, консолидирующих и легитимирующих институтов и практик Модерна, и эти изменения необратимы. Государство же вместо поиска оптимальных инновационных решений в новой реальности (поскольку традиционные, привычные способы уже не срабатывают, «чужой» и свой исторический опыт здесь неэффективен и бессильен) довольно скоро начало «регрессивную обратную трансформацию» по достаточно простой и архаической модели псевдосоветско-модернистского и даже неотрадиционалистского толка, которая уже сегодня испытывает возрастающие трудности (и еще сильнее будет испытывать их в будущем), связанные с возможностями контроля гетерархии в обновленном российском обществе. А накопление гетерархии, ее «незамечание» и исключение ведут в конечном итоге к прогрессирующей дисфункции государства, которое в настоящее время трансформируется в направле-

нии прямо противоположном тому, которое выступало ценностным и целевым ориентиром российского общества в самом начале «большого скачка».

2. ГОСУДАРСТВО, ГЕТЕРАРХИЯ И «ПРОКЛЯТАЯ СТОРОНА ВЕЩЕЙ»

Государство определяется нами как вид сложносоставной динамической монополии, которая определяется как совокупность идейных догм и институциональных норм через многообразные исключения, суммируемые в «проклятой стороне вещей». Государство надстраивается над повседневностью, но его монополия есть процесс, подтачиваемый перманентными центробежными процессами. Монополия государства на мораль и легитимное насилие выполняет важнейшую функцию стабилизации общества, объективации и поддержания неизменных правил игры, удерживающими от постоянного и конфликтного общественного производства анархических альтернатив. В результате монополия позволяет выработать механизмы, которые разрешают альтернативным ценностям и порядкам сосуществовать с данной монополией, являясь в то же время исключением из нее. Это подобно постоянной выработке организмом антител, защищающих от различных инфекций. Но стерильность внешнего мира и отсутствие вредных вирусов в свою очередь не являются абсолютным благом, поскольку лишают социальный организм готовности к отражению внутренних и внешних угроз и выработки искомого иммунитета.

Исключения являются не подрывом монополии, но самим ее условием, когда правило нуждается в определении через исключение, а всеобщее становится таковым лишь через преодоление особенного. Монополия формируется от противного, через включение/исключение в/из своего универсального порядка институтов, практик, символов. Монополия государства пребывает в постоянном историческом процессе инкорпорации исключений, образующих основу реальной гетерархии в виде других ценностей, догм, норм, институтов как возможных источников легитимности государства. Исключение, трансформация и инкорпорация «иного» всегда осуществляется с переменным успехом, а включение исключений в правила никогда не бывает окончательным, так как любая норма всегда определяется через исключение. Отсутствие доминирующей нормы приводит в реальной политике только к войне различий, борьбе всех против всех, партикуляризму и дроблению больших политических форм. Проблема гетерархии норм и институтов таким образом неразрешима. Гетерархия, указывающая на возможные альтернативы и изменения, признается лишь затем, чтобы потом объявить ее злом и осуществить самоидентификацию от противного.

Предмет статьи заключается в анализе способов изменений и оптимизаций монополий государства на интеллектуальные нормы, институты

и легитимное насилие через описание случаев, когда монополия в силу разных причин перестает действовать; либо действует не в полной мере, параллельно с другими регуляторами; либо действует с неожиданными результатами. И собственно, как в своей истории государства пытаются преодолеть эти исключения, отграничивая или, наоборот, охватывая нерегулируемое пространство периферии (институциональное, интеллектуальное, географическое, «малые общества», «другого») в порядок универсальной монополии многосоставного «большого общества».

Исходная посылка состоит в том, что в современном «большом обществе» всегда есть значительное теневое пространство, институциональные, нормативные, интеллектуальные лакуны, где государство в привычном виде монополий действует не эффективно, либо вообще не действует. Более того, эти перманентные исключения как раз и обеспечивают стабильность и легитимность государства. Попытка государства установить тотальность монополии, «всё и всех сосчитать» в тех или иных сферах оборачиваются парадоксальным ростом того, что можно назвать «проклятой стороной вещей».¹ Поскольку окончательное торжество монополии на любом рынке является первым шагом к ее дифференциации и распаду. В результате «проклятая сторона» неизбежно переносится внутрь самой монополии, благой Катехон оборачивается порочным Вавилоном, а зло начинает гнездиться в самих вещах. Как, например, в свое время не исчезла конкуренция за власть в СССР — она была перенесена внутрь партии большевиков, дискуссии в которой стали в 1920-е годы эрзацем публичной политики как таковой. Аналогичные тенденции развиваются и внутри нынешней российской политической системы с доминирующей партией.²

Перманентная борьба государства с «проклятой стороной вещей» есть извечная попытка устранить гетерархию, умножение которой ведет к революционной трансформации государства, подрыву устоявшихся норм. Но с другой стороны, государство как сложная монополия может существовать лишь избегая тотального регулирования «проклятой стороны» как обратной стороны легального порядка. Поскольку тотальное регулирование в принципе невозможно, ибо строится на отрицании накапливающихся внешних и внутренних изменений во времени. Либо ведет к разрушению монополии, чье повсеместное доминирование неэффективно уже тем, что любое четкое определение границ легального-нелегального, дозволенного-недозволенного, нормального-ненормального ограничивает нормотворцев и агентов государства, лишая возможностей для адаптации к меняющемуся миру. В результате государства-монополии чаще погибают именно потому, что сталкиваются

1. Смысловой оборот «проклятая сторона вещей» введен в работе: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 157–164.
2. Мартыянов В. Многопартийная партия власти // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 3 (53). С. 12–22.

с недостаточно катастрофичными для себя вызовами, а настоящие катастрофы приходят тогда, когда здоровый иммунитет уже потерян ввиду застоя как утери способности к адаптационным изменениям — такова ситуация «имплозии масс», упадка, угасания социальных энергий.

Гетерархия в той или иной степени существует во всех политических обществах, тяготеющих либо к большей степени имперской гетерархии (в виде всевозможных неравенств, исключений из права, привилегий, особых законов и областей их применения, учета традиций и обычаев различных групп людей, регионов и т. п.), либо к более универсальному законодательству, единообразным правилам управления, связанным с относительно гомогенными национальными государствами. Нормы и институты государства начинают корректироваться, когда лежащие в их основе ценности утрачивают свою запредельность, привилегированный статус, с помощью которого они легитимировали политику. Равенство сакральных ценностей профанному миру, то есть ситуация их реализации (овеществления) провоцирует ситуацию, где норма = не-норме, а сущее практически отождествляется с должным. Однозначность социального мира размывается, появляется развилка альтернативных возможностей.

Как только возникает подобное равенство, в лишившейся «нормативных ценностей» политической системе сразу же начинает зреть ценностная альтернатива воплощенной в социальной реальности и политических институтах норме, взрывающая «естественный» политический порядок вещей рождением новых утопических ценностей и идеалов. Черпаются новые ценности и идеалы, главным образом, в «проклятой стороне вещей», то есть во всем, что исторически подавлялось и вытеснялось. И здесь «проклятая сторона» вдруг становится «утопической стороной вещей», открывая в них подавляемое и вытесняемое ранее содержание. «Исключаемые» ранее ценности и смыслы вдруг приобретают характер «исключительных».

Монопольный субъект, таким образом, чтобы достичь искомого тождества с истиной, красотой и справедливостью вынужден избавляться от противоречий, то есть выбирать один из вариантов альтернатив в качестве привилегированного, а другие вытеснять. Эта неполнота, «половинчатость», неспособность к синтезу, создает пространство разрыва и «проклятую сторону вещей», где формируется параллельный мир подавления, принимающий форму «политического другого», различного рода аномалий.

Но выведенная за рамки государственного, политического и легитимного пространств социальная энергия никуда не исчезает. Накопленные, но не разрешенные конфликты усугубляются. Террористическая практика показывает, что привести в неравновесное состояние самотождественную систему можно только с помощью энергии катастрофы, которая способна не только побудить систему к изменениям в целом, но и вызвать цепную реакцию, губительную для системы.

«Проклятая сторона вещей» проявляется в чрезвычайных ситуациях, в которых и производится установление нормы-патологии и последующая дифференциация. В таких случаях выявляются основания и сам механизм различения, применяемый монополией. Например, в области использования насилия — это хрестоматийное шмиттовское право введения особого положения, в котором не работают обычные законы. Кто им смог воспользоваться, тот и суверен, а его насилие и законы — легитимны.

В области идеологии и законов — это право определения границ общественного (публичного), то есть сферы политики как таковой, правил и условий участия в ней. Любое государство само по себе всегда стремится раздвинуть границы публичного и общественного, сделать так, чтобы частная жизнь стала лишь продолжением общественной, объектом контроля и «заботы», в качестве потенциального источника неопределенности, неподконтрольности, а следовательно, опасности.

В результате стремление к тотальности государства ведет к стиранию граней между обществом, государством, интеллектуальной и правовой автономией отдельных корпораций и индивидов. Тенденция вторжения государства в привычное лично-интимное пространство личности неизменно вызывает отторжение, даже если именуется в официальном дискурсе экстремизмом, неконструктивной оппозицией и т. п. Когда монополия пересекает невидимые моральные и легальные пределы, она автоматически взывает к социальной энергии, которая будет направлена на коррекцию и ослабление монополии. С другой стороны, расширяя монополию, государство стремится запретить зло другим политическим акторам, но она никогда не может сделать этого в отношении себя. В этом ограничении, имеющем отношение к саморегулированию и самоограничению, заключается слабость любой монополии, обуславливающая их неизбежный крах или, по крайней мере, временную потерю легитимности и конкурентоспособности.

3. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ГЕТЕРАРХИЯ: БЕГСТВО ОТ ГОСУДАРСТВА

Одним из наиболее древних и простых (за исключением геноцида, войн, убийств) способов отвода негативной социальной энергии от государства и подавления зреющих вариантов является исключение (отделение, разведение) альтернативных источников власти и норм в географическом пространстве. В XVII–XIX веках перенаселенная и модернизирующаяся Европа избавилась от десятков миллионов лишних людей, колонизировавших практически весь остальной мир. Но в настоящее время бежать уже некуда. Мир перенаселен в целом, а ядерное оружие не позволяет перенаселенному Югу вторгнуться в виде прямой экспансии и традиционных войн в территориальное пространство стран Севера. Поэтому способами пространственного исключения не-

устойчивых элементов является либо высылка, либо апартеид. Более мягкая вариация — оттеснение подрывных элементов на периферию — остракизм, побуждение к эмиграции, ссылка в колонии, в провинцию, провоцирование ухода в подполье, в гетто. Эта стратегия может обрести вид в выстраивании параллельного субгосударства в виде альтернативных социальных сетей — мафии, теневого производства, колоний единомышленников, экологических поселений и т. п. История показывает, что многие такие колонии впоследствии становились ядром будущих государств в Новом Свете.

Весьма красочно подобный вариант географического бегства «неблагонадежных» людей от государства, имевшего место в Латинской Америке в 1930-е годы, описывает К. Леви-Стросс:

Однажды вечером мы остановились невдалеке от гаримпо (garimpo), колонии искателей алмазов. Их силуэты вскоре появились возле нашего костра; старатели (garimpeiros) извлекали из котомок или карманов обтрепанной одежды небольшие бамбуковые трубки и высыпали их содержимое нам в руки; это были нешлифованные алмазы, которые они надеялись нам продать. Но от братьев Б. я был достаточно наслышан о нравах, царящих в гаримпо, чтобы понимать, что здесь вряд ли можно увидеть что-либо действительно интересное, поскольку у старателей свои неписанные, но тем не менее неукоснительно соблюдаемые законы.

Эти люди делятся на две категории: авантюристов и беглецов; вторая группа более многочисленна, чем объясняет тот факт, что, однажды вступив в гаримпо, его уже трудно покинуть. Руслу рек, в песке которых собирают алмазы, контролируются теми, кто захватил их первыми. У этих людей недостаточно средств для того, чтобы позволить себе ждать крупной оказии, которая случается не часто. Поэтому они организованы в поисковые отряды, во главе с начальниками, громко именующими себя «капитанами» или «инженерами»; они-то и распоряжаются всеми средствами, поскольку должны вооружить людей и обеспечить их необходимым инвентарем: луженым металлическим ведром для выемки гравия, решетом для просеивания, иногда водолазным шлемом и воздушным насосом, — а главное, регулярно снабжать их провиантом. Взамен старатель обязан продавать то, что найдет, только доверенным скупщикам (которые, в свою очередь, связаны с крупными шлифовочными мастерскими в Голландии или Англии) и делиться прибылью с начальником отряда.

Необходимость вооружаться объясняется не только частыми стычками между отрядами; это также средство, действ-

ное и до сих пор, оградить гаримпо от вмешательства полиции. Таким образом, зона добычи алмазов становилась государством в государстве и часто находилась в состоянии открытой войны с легальной властью. В 1935 году можно было услышать о локальной войне, которую в течение нескольких лет вели «инженер» Морбек и его сторонники, *valentoes*, против полиции штата Мату-Гросу... Закон отряда соблюдается столь неукоснительно, что в Лажеаду или в Пошореу, центрах гаримпо, в трактире часто можно увидеть стол с лежащими на нем алмазами, временно оставленный без присмотра.

Внезапно разбогатевший старатель, находясь вне закона, вынужден все истратить здесь же, в *гаримпо*. Именно поэтому сюда караванами идут грузовики, нагруженные никому не нужными товарами. Если только они довезут свой груз до *гаримпо*, все будет раскуплено за любую цену — не столько ради удовлетворения потребностей, сколько ради удовлетворения тщеславия.³

Однако в настоящее время способ географической изоляции потенциальной гетерархии и «социального зла» эффективен все меньше. Как из-за перенаселенности мира, так и в силу того, что «в глобальной деревне» современные коммуникации уничтожили пространство и время как существенное препятствие, способное возвести непреодолимую стену между монополией-государством и всем тем, что (и кто) ее подрывает. В результате современные монополии должны искать более изощренные способы подавления гетерархии внутри собственно географического пространства.

4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ГЕТЕРАРХИЯ: УСЛОЖНЕНИЕ И ИМИТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ

В современном большом обществе его дифференцированные институты не могут опираться лишь на запреты, силу или веру, потому что государство, основанное на грубой силе и догматах, может опираться только на страх и воспроизводить рабов, а не граждан. Все военные режимы и хунты подобного рода недолговечны, будучи тесно связаны с персонами их породившими.

Для современных государств насилие есть крайнее средство. Здесь мы переходим от формальной легальности, требующей соблюдения закона к легитимности, суть которой в разделении большинством граждан тех идей, которые лежат в основании законов и институтов. Легитимные законы (режимы, порядки, правила игры) соблюдаются не из страха наказания и репрессивных санкций, а потому, что гражда-

3. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999. С. 263–265.

не добровольно разделяют существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, считая такой порядок естественным и самоочевидным, справедливым. Это своего рода активное соучастие людей в монополии, путем процедур всеобщих выборов, референдумов, опросов общественного мнения, экспертных и гражданских дискуссий, выплаты налогов, службы в армии. Каждый формально становится миноритарным акционером политической монополии, а значит, изначально может рассматриваться как лояльный субъект, заинтересованный в ее сохранении, хотя и имеющий право возмущаться ее мелкими недостатками.

Момент исторического перехода к подобной сложной монополии совпадает с циклом буржуазных революций и победным шествием принципов капитализма. В области политики это привело к разотождествлению государства и общества, когда первое из явления метафизического порядка становится инструментом, а второе получает через всеобщность избирательного права гражданское качество. В результате становится возможной современная (модернистская) политика в форме производства и борьбы «больших идеологий», связанных с рефлексией социально-политической действительности в форме идеологий, разбивкой общества на партии и классы.

Единый объективный язык в сфере политики, принадлежавший ранее наследственной аристократии, становится невозможным. Государство разотождествляется с монополией аристократии на власть, монарх перестает быть символом и источником легитимности, обязанности и права по отношению к государству возникают у всего взрослого общества.

В условиях распада традиционного общества обнаружилось, что коллективные субъективные реальности не совпадают. Все размышления о политике стали возможны только в форме теории, опирающейся на ту или иную идеологию и групповые интересы. Каждая из этих систем претендует на утерянную универсальность, сознавая при этом свою обусловленность определенной позицией внутри социума. При этом связь идеологий с определенными группами общества позволяет им это общество интерпретировать, но не позволяет встать над обществом.

Династическое государство потеряло функцию институционального гаранта универсального миропорядка. Этот процесс был связан с формированием публично-гражданской политики, ее выходом из-за «дворцовых кулис». У Гегеля государство еще выступало как одна из высших стадий развертывания абсолютного духа, реализация сверхчувственного порядка, главенствующая над гражданским обществом из сферы универсального закона истории. Но уже государство Маркса, понимаемое как вполне постороннее и земное образование, теряет свою трансцендентность, отражая динамическое соотношение интересов социальных групп, с лежащими в их основании производственными отношениями.

Основным итогом трансформации Старого Порядка становится конструкция представительной демократии и общественного договора,

в рамках которой, чтобы предотвратить распад общества, политическая монополия становится *ограниченной во времени*. Теперь это не более чем баланс сил, интересов, настроений, который может быть ненасильственно и легитимно изменен на очередных политических выборах.⁴ Подобное пространство неопределенности становится одновременно и источником слабости государства, и источником его мощного адаптационного потенциала к меняющимся внешним условиям, и, наконец, ключом к новой легитимности. В идеальной модели государство становится не чем-то внешним по отношению к малым общинам, но всего лишь институциональным продолжением и приложением большого общества: «Если, например, в современном английском языке слова «state» и «nation» не только применяются как взаимозаменяемые, но и второе постепенно вытесняет первое, то в российской реальности «государство» и «народ» представляются не только несовпадающими, но чуть ли не противоположными понятиями. О противоречиях между гражданином и государством говорится так, как будто бы граждане не суть часть государства, а чиновники давно уже перестали быть гражданами...»⁵.

Политическая модель монополии в виде представительной демократии связана с особым способом диалога, торга с «проклятой стороной», когда другой всегда включается в демократический порядок представлений в качестве контролируемого атрибута, необходимого для самоописания и целеполагания. Более того, другой часто симулируется, обнаруживается там, где его по сути не должно быть (да и реально не существует). Так обычные хулиганы становятся скинхедами (неонацистами), патриоты — фашистами, экологи — террористами, сексменьшинства оборачиваются борцами за права человека, любые бытовые явления легко обретают символично-политический контекст.

Гетерархия подменяется внутренним порядком дифференциации монополии. Признание другого предполагает принятие «универсальных» правил, по которым происходит установление порядков отличий. Сопrotивление, маргиналы, недовольные, «конструктивная оппозиция» всегда включаются в систему представительной демократии, но на ее условиях. Проблема в том, что гетерархия может быть эффективна, только если бросается вызов монополии в целом, вызов, направленный на ее деструкцию. А здесь невозможен не только диалог и договор, но уже сами переговоры.

Поэтому бесконечная дифференциация идеологий, партий, групп интересов в рамках нормативного дискурса капитализма и представительной демократии с их ценностями и сложными институтами является способом монополизации данного социального порядка, контро-

4. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос. № 2. 2004.

5. Иноземцев В. Л. Вверх по лестнице, ведущей вниз // Le Mond diplomatique (русское издание). № 8. Февраль 2007.

лирования «проклятой стороны», приемом собственного производства полезного «малого зла». Признавая неподвластность символов другого вне себя, большое общество начинает производить символически зло внутри себя, то есть у общества появляется способность к изменению и адаптации. Здесь же возникает новый вопрос: возможно ли в принципе естественное сосуществование монополии и ее противников, не связанное с попытками уничтожить их окончательно? Когда симуляция ценностных и фактических противоречий, провоцирование политической активности производится самой властью с целью артикуляции политического пространства вообще.

Кроме того, перенос контролируемого зла внутрь монополии не исчерпывает вызовы извне. В результате исчерпанный внутренний потенциал возмущения не является гарантией стабильности монополии. Реальная трансформация монополии в глобальном мире может состояться и путем воздействия извне как природного, так и идейного, рефлекслируемого в альтернативных экологических, террористических, фундаменталистских проектах, которые деконструируют классические дихотомии Модерна.

Рассмотрим в качестве примера институциональные трансформации современного российского государства как все более неэффективной монополии. Кризис России как государства-монополии ярко проявляется в умножении институтов. Неформальные институты, становятся паллиативами формальных, непубличные институты вытесняют публично-политические.⁶ Возникают особые институты, выполняющие не те или иные оговоренные законами функции, но призванные решать конкретные ситуативные проблемы. Например, нигде нормативно не урегулированный институт поручений Президента РФ: «Субституты — Госсовет и больше десятка консультативных советов при президенте, Совет безопасности, Общественная палата, полпреды президента в федеральных округах и их администрации, спецпредставители президента, общественные приемные и др. — не могут играть самостоятельной роли и служить каркасом политической системы, структурировать ее, обеспечивать стабильность. Это, скорее, приводные ремни, обеспечивающие президенту контроль над основными сферами жизни общества, но помимо президента не имеющие практически никакого смысла».⁷

Отсекая иностранные источники финансирования, постепенно с помощью грантов «приручается» сектор НКО. Во главе с Общественной палатой РФ создается «правильное» гражданское общество. В виде фи-

6. Мартянов В. С. Падение публичной политики в России // Свободная мысль. 2006. № 5. С. 5–18.
7. Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. № 6. О проблеме умножения политических параинститутов в современной России см. также: Иванов А. Ф., Устименко С. В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // ПОЛИС. 2007. № 5. С. 56–67.

лиалов партии власти формируется «конструктивная» оппозиция. Уже сточается политическое законодательство. Контролируются массмедиа. Выборы и соцопросы показывают высокий уровень легитимности политического режима. Но гетерархия вопреки наблюдаемой очевидности не исчезает. Реальная политика вытесняется в непрозрачные, неконтролируемые, маргинальные сферы, трансформируя и свертывая технологически слишком сложный институт представительной демократии к неким более простым и привычным моделям удержания господства. Эти модели влекут умножение «прóклятой стороны», поскольку представлены системой прямых запретов, ограничений и исключений, а не стратегией открытого управления гетерархией в публичной сфере.

В результате оппозиция как важный институт адаптации к изменениям и динамического равновесия монополии уходит в политическую тень, поскольку субъекты оппозиции не могут участвовать на равных в поле властной игры, на безальтернативных выборах и референдумах. Получается, что переиграть властные элиты и государство можно лишь по правилам, которые они не контролируют. То есть вне формальных законов. Поэтому в обществе нарастают скрытая гетерархия как двойная система отсчета ценностей (двоемыслие), параинституты и отчуждение повседневных от легального порядка. Российское общество, как и в другие «последние времена», например, период застоя, вновь постепенно привыкает жить с «фигой в кармане», которая иногда становится вполне явной, например, в виде феноменальных успехов отмененного ныне голосования «против всех», которое есть, прежде всего, протест против действующей элиты и политического режима в целом. Аналогичные трансформации переживают и властно-политические институты, превращаясь в способ неограниченной монополизации столь привычной для России «властесобственности».

Проблема не в качестве новых институтов государства, которые в России существуют и могли бы функционировать вполне эффективно. Метаморфозами российских политических институтов являют «прóклятую сторону вещей», когда «творческое» переосмысление новых институтов политическими элитами привело к их негативной трансформации. Институты стали выполнять не идеальные, а замещающие функции, которые были востребованы реальной политической практикой. При этом для поддержки монополии плохие и параллельные институты всегда лучше, чем их прямой конфликт или отсутствие, но без идейной легитимации их блага и незаменимости любые институты бесполезны. Для этого требуется нечто большее, то, что сакрализует политические институты, заставляя в них верить по-настоящему.

Безусловно, идеальной политической системы или институтов не существует. Каждое государство вырабатывает всей своей историей оптимальные цели и институты с учетом собственной истории, географии, традиций, веры и т. д. Но институты могут функционировать только будучи легитимными, когда большинство граждан разделяет те идеи, ко-

торые лежат в основании привычных практик и законов. Идеи свободы, справедливости, равенства реализуются в разных политических институтах, но никогда не отождествляются с конкретными национальными образцами. Идеи автономны от реальности, а рецепт отечественного механического внедрения политических институтов демократии, свободы слова, разделения властей, выборов, рынка в случае России и ряда других стран не привел автоматически к установлению реальной либеральной демократии. Проблема в том, что демократические политические институты сами по себе не ведут к производству соответствующего типа ценностей. И идеи, и институты обусловлены социально-политическим, историческим пространством их возникновения.

Основной порок реформаторов 1990-х заключался именно в том, что они были не способны даже представить, что реализация «правильной теории», например, либертаристских реформ или эффективного института, например, конкурентных выборов, дающие патологический результат, объясняется не неким несовершенством российской реальности, а наоборот, неуниверсальностью применяемого рецепта. Совершенно непонятно почему, если двухпартийная система исторически сложилась в США и Великобритании, то ее необходимо всеми силами внедрить и в России? Ведь такая система является особым случаем англосаксонских стран, а вовсе не эффективным правилом для большинства современных государств.

Поэтому теоретико-механическое копирование любых институтов без предварительного одобрения данным обществом легитимирующих их идей оборачивается фатальными политическими трагедиями целых народов. Институты вместо искомой эффективности начинают порождать «проклятую сторону вещей». Вместо конкуренции и в политике, и в экономике создается система федеральных и региональных властных и бизнес-монополий, вместо эффективности рынка осуществляется его «ручное управление», равенство уступает место увеличению всевозможных разрывов — региональных, по доходам и реальным возможностям.

Таким образом, любые благие институты могут быть обращены во зло и деуниверсализированы, не вырастая из самой практики и готовности общества к их «изобретению» и применению. Как свидетельствуют накопленные антропологами исторические данные, распространение в первобытных племенах огнестрельного оружия часто приводит лишь к одному финалу — самоистреблению диких племен, причем без всякого вмешательства белого человека.

Основные сложности, препятствующие эффективности новых политических институтов связаны с явными трудностями их морально-интеллектуального обоснования. В результате в политической системе обнаруживается отсутствие самой основы институционального каркаса — внятного легитимирующего проекта будущего, который ориентирует население на существующие формальные институты, а эли-

ты на служение обществу. Целевые макроэкономические показатели, озвученные В. Путиным на последнем заседании Госсовета РФ в феврале 2008 года, которые Россия должна достичь к 2020 году, безусловно, не могут быть даже паллиативом подобного целевого проекта. Поскольку любая статистика констатирует факты, но не может породить смысл — ради чего все это, чем выгодны именно эти институты, а не другие?

В результате вместо лояльности и поддержания в собственных же интересах формальных институтов монополии граждане в своей массе предпочитают решать проблемы неформально, в обход институтов. Согласно негласным нормам никто не «стучит» на преступающих законы, не жалуется на нарушения. В обществе действует такая же омерта (закон молчания), как на Сицилии, не говоря о распространенной коррупции, взятках и подарках, с помощью которых преодолеваются формальные нормы и санкции: «У англосаксов и немцев люди помогают государству, легко сотрудничают с полицией и доносят на все нарушения, которые замечают. В Сицилии и у нас, в России, доносчиков презируют, как предателей»⁸. Таким образом, конвенциональность монополии в разных обществах сильно отличается. Если в современной Европе установлена высокая степень конвенциональности по поводу институтов государства и практик их поддержания, то на периферии исторической прародины современной представительной демократии, например, в России, Турции или Сицилии на структуры модернистского государства все еще накладываются горизонтальные практики традиционного общества, для которого любое соприкосновение с государством и его агентами расценивалось как нежелательное, а государство предстает как неизбежное и неустранимое социальное зло, соприкосновения с которым следует по возможности ограничивать и избегать. Поэтому любые гетерархические структуры, параллельные государству, до сих пор воспринимаются как более результативные, гуманные, очеловеченные, а государство часто является последним местом куда люди обращаются со своими проблемами, когда все иные возможности уже исчерпаны, будь то правоохранительная система, здравоохранение, местная администрация.

Все это свидетельствует о глубоком недоверии к формальным институтам государственной монополии в сложившихся клише массового сознания — суду («действующие органы власти всегда правы»), правоохранителям («от тюрьмы и от сумы»), депутатам («лоббируют только свои интересы»), выборам («победители распределены заранее»), политическим правам и свободам («их невозможно реализовать, от нас ничего не зависит») и т. д. Государственные институты как в традиционном обществе по умолчанию продолжают рассматриваться чуть ли не как неизбежное, некое внешнее для частной жизни зло, с которым можно лишь мириться, но не получать от них какую-то по-

8. Буровский А. Облик грядущего (системное исследование будущего). М.; Красноярск, 2007. С. 49.

мощь и пользу. Результат один — усиление гетерархии, когда сохраняется мощь параллельного теневого государства «властесобственности», парагосударственных «сетей доверия», кланово-мафиозных структур, подменяющих собой функции привычных государственных институтов. Проблема в том, что само государство отходит от декларируемых ценностей и целей, подавая обществу примеры, когда монополия не действует. Это слияние власти и собственности, неравенство перед законами, увеличивающийся разрыв реальных возможностей населения, явные противоречия политической риторики и практики. Ничто так не подрывает монополии как нарушающий и дискредитирующий действующий порядок пример тех, кто должен его всячески поддерживать и с кем она отождествляется.

5. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ГЕТЕРАРХИЯ: УМНОЖЕНИЕ ЗЛА ДОБРОМ

Государство как сложная монополия часто может существовать лишь избегая попыток регулирования ряда феноменов «проклятой стороны вещей». Государство как монополия имеет в своей основе систему ценностей, правил и ограничений, а любая ценность в основе общественных правил является по своей сути запретом. Даже ценность свободы есть не более чем запрет «отнимать», покушаться на свободу. Проблема в том, что ни одна ценность не может находиться в «естественном» привилегированном положении, поскольку все они логически уязвимы в качестве монопольных норм, предлагающих образцы должного, которыми монополия предлагает человеку руководствоваться в своей жизни, будь то ценности рациональности, эгоизма, коллективизма, чести, здравый смысл, «воля к власти», та или иная вера, традиция, научный эмпиризм и т. д. Ни одна из этих ценностей формально не может быть мерилom для других, поскольку все они являются ограничениями и императивами, разделяемыми людьми «здесь и сейчас» и действующими только в силу данных оснований, а не в силу их вневременной истинности. Объективной сверхценности, являющейся мерилom всех остальных ценностей, просто нет. И государство, и общество являют собой площадку исторической борьбы ценностей, которые время от времени уступают друг другу место «господствующей общественной нормы».

Разные люди придерживаются различных ценностей, поэтому проблема их компромисса в обществе является перманентной. Как интегрировать верующих и атеистов, эгоистов и альтруистов, традиционалистов и обновленцев, общинников и индивидуалистов? Каждому свойственно выдавать свои ценности за аксиоматичные, всеобщие, самоочевидные. Но публичная сфера, являющаяся сферой гетерархии и конфликта ценностей, доказывает, что дело сложнее, чем представляется на первый взгляд. И выявить сферу всеобщего интереса, которая выходит за пределы частных, частных пространств людей, мож-

но только посредством общественных дискуссий и конфликтов, способов выявления господствующих нормативных представлений, которые обычно и закрепляются в законах. Но постоянная трансформация обществ приводит к тому, что любые нормы подвергаются перманентно коррекции, а самоочевидные ранее запреты (например, христианский запрет на ссудный процент или прелюбодеяния) перестают выполняться в новых общественных практиках и соответственно теряют силу те законы, которые были призваны их поддерживать. Если закон нарушается большинством, значит, он более не соответствует общественной морали и нуждается в коррекции или отмене.

В идейном основании любого государства гетерархия оформлена в виде целого ряда бинарных оппозиций, которые сводятся к одной: норма/не-норма. И норма-монополия не может существовать без питающего ее пространства ненормальности. Норма выступает как самождественное, тавтологическое, самоочевидное знание, связанное с привилегией монополии на прерывание общественных дискуссий и определение доминирующих политических истин. Соответственно не-норма проявляется как «объект умолчания», другой («свой иной»), как патологическое, ложное, латентное, подавляемое содержание, за счет которого тем не менее и оформляется привилегия истины нормы. Любые альтернативы трактуются субъектом монополии как анти-норма. Но отсутствие альтернативы, даже если последняя симулируется, также ослабляет бинарный код норма — антинорма.

Дискурс нормы всегда принадлежит правящей элите, задачи которого связаны не только с онтологическим оправданием и легитимацией действующей власти, но и с «профилактикой» утопических вызовов, грозящих взорвать сложившееся политическое статус-кво. Но любые серьезные политические изменения ведут к разрастанию проклятой стороны. Нормативная борьба постоянна, и монополия обычно приручает, адаптирует и нейтрализует разрозненные группы — «потенциального Другого» — скорее, чем те смогут (и смогут ли), найдя общие интересы, составить ей действительную альтернативу.

Рассмотрим в качестве конкретного примера борьбы с ценностной гетерархией попытки формализовать в российском правовом поле политический экстремизм, связанные с принятием, интерпретацией и правоприменительной практикой Федерального Закона № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25.07.2002 г., с последующими изменениями). Этот закон был призван установить монополию государства на определение области «политического экстремизма». В реальности вместо легитимных и эффективных способов профилактики всего того, что подрывает и опровергает монополию российского государства (а конкретнее — нынешний политический режим) и в силу этого трактуется как экстремизм, произошло умножение юридических сущностей. Оно в итоге не столько укрепило, сколько подорвало легитимность монополии государства на борьбу с экстремизмом, так как но-

вый закон вошел в потенциальное противоречие с теми правами и возможностями, которые то же государство ранее гарантировало своим гражданам другими законами и, прежде всего, Конституцией РФ.

Экстремизм (терроризм, шовинизм, расизм, политическое насилие) представляет интерес в силу того, что он является «прóклятой стороны вещей» для идеологического консенсуса, достигнутого в том или ином обществе. Составляя те или иные «нормальные» классификации политического, власть и законодатели выносят за ее пределы то, что им реально и символически угрожает. Это моральное неприятие позволяет «от противного» реконструировать те мифы и легитимирующие практики власти, с помощью которых она создает собственные моральные основания, поддерживающие данный политический режим. Поскольку экстремизм бросает наибольший радикальный вызов действующей власти и государству, заключающийся в насилии. Черта между двумя насилиями — государственным и экстремистским — это вопрос нравственной противоположности.

Борьба с экстремизмом выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она призвана проявлять на конкретных примерах «борьбы» моральную, ценностную монополию государства и всех тех, кто действует от его имени. Во-вторых, она проводит основополагающие политические границы: нормального/патологического, легального/нелегального, закона/насилия, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический проект, одновременно позволяя методами монополии на классификацию политического поля выводить за его пределы все то, что угрожает его дальнейшему существованию.

Экстремизм, сколь бы вымышлены ни были его реальные угрозы, составляет наибольшую ценностную угрозу для государства, поскольку является отрицанием его монополии, в виде основ данного общественно-политического устройства и призывом-действием к немедленному насильственному изменению государства, либо его отмене. Экстремизм возникает именно тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в «экстремизм действия» — террор, гражданскую войну, нелегитимное насилие, геноцид, этноцид, нарушение прав и свобод человека и прочие формы борьбы с монополией.

Дело в том, что государство не может бороться с теми, кто готов умереть во имя неких целей. Любые посюсторонние общественные институты могут требовать от человека многое, но не жизнь, иначе монополия просто рухнет, когда людям станет нечего терять. И люди готовы умереть за надежду, за «иное будущее» не могут быть предупреждены или перевоспитаны, поскольку они выходят за грань тех оснований законов и морали, которые действуют в современных обществах. Когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, любые законные монополии и общественные конвенции для них перестают действовать. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции современности приобретают воистину дьявольскую эффектив-

ность в сравнении с машиной государства, скованной гуманистической моралью, судами, законами и т. п.

«Проклятая сторона» общества, маргинальные группы, которые в силу различных причин не могут либо не имеют возможностей заявить о своих интересах и проблемах, обездоленные и ущемленные слои общества выражают свой социальный протест наиболее доступными, хотя и не легальными способами. В силу этого экстремисты широко используют практику политического шантажа действующей власти и общества в целом, направленную на дестабилизацию основ политического режима. Последовательная реализация экстремистской идеологии ведет к невозможности существования либеральных демократий в современных многокультурных и многонациональных государствах.

Дополнительно следует отметить некоммуникативность экстремистской идеологии и практики, даже не пытающейся достичь своих целей в рамках действующих институтов и правил. Субъекты экстремизма отрицают любые формы политического диалога и компромисса со своими оппонентами.

Основная проблема заключается в том, что нравственная противоположность действующей власти и экстремистов, устанавливаемая через подобные различия часто стирается, так как границы возможного, приемлемого и табуированного являются легитимными и эффективными лишь тогда, когда устанавливаются в результате широких и гласных общественных дискуссий, а не в одностороннем порядке, теми или иными нормативными актами. Отсутствие общественного обсуждения критериев запрета государством тех или иных организаций и произведений культуры (музыки, фильмов, текстов, изображений), изменение этих критериев, их двусмысленность, субъективность, а тем более избирательность могут привести лишь к одному результату — борцы с терроризмом и экстремизмом сами становятся неотличимы от террористов. А легитимное насилие вместо поддержания законов, общественных установлений и институтов становится кошмарной и повсеместной практикой моральной дискредитации действующего политического режима. Монополия морально упраздняет сама себя.

Таким образом, первый краеугольный камень в определении области экстремизма — это определение границ и форм политического насилия и его субъектов, которые являются легитимными и приемлемыми с позиций негласного общественного договора и тех, кто таковыми быть не может. Эта граница всегда относительна и подвижна в перспективе различных моральных, социальных и исторических позиций, присутствующих в том или ином обществе. Исторически реализация прав и свобод угнетенного, бесправного человека часто осуществлялась с помощью насилия, но это насилие имело нравственную легитимность и историческое оправдание, так как восстанавливало для значительной части населения всеобщие основы человеческих прав и свобод. В 18 веке восстание североамериканских колоний про-

тив Британской империи могло потерпеть неудачу, и отцы-основатели США были бы казнены как обыкновенные террористы. По иному могла повернуться история и оценки ее ключевых субъектов в случае удачи российских декабристов или провала большевистской революции.

Поэтому суть экстремистского насилия связана прежде всего с деуниверсализацией принципов, лежащих в основании монополии на легитимное насилие. Если первая шкала в классификации экстремизма связана с критериями разделения легитимного и нелегитимного насилия, то вторая представляет собой необходимость разделения публичной (общественной) и частной (приватной) сфер жизни человека. Представляется, что сфера современной государственной монополии норм совпадает с областью публичного и общественного. Таким образом, экстремизм можно определить как нелегитимное насилие, осуществляемое в публичной (политической) сфере и подрывающее монополию государства.

Основные трудности связаны с невозможностью точно определить, где кончается приватное автономное пространство и начинается публично-политическое. Граница всегда условна, субъективна, подвижна и не поддается однозначной формализации. Сколько человек образует (публичное) политическое пространство? Как отличить «разжигание розни» от изложения политических убеждений и взглядов, информирования, комментария, изучения экстремистских доктрин и феноменов в рамках конституционных прав на свободу убеждений, вероисповедания, слова, свободу получения и распространения информации? Наконец, человек, излагающий определенные взгляды, может вовсе их не разделять, занимая позицию воображаемого оппонента. То же справедливо и в отношении хранения и чтения признанной экстремистской литературы, изображений, видеоматериалов, просмотр которых вовсе не производит автоматически человека в «экстремисты». Наконец, может ли экстремизм как вызов существующей политической монополии, выходящий за пределы очерченных ею координат нормального, быть только словом, можно ли судить людей за слова, отражающие их убеждения?

Борьба с экстремизмом, профилактика гетерархии, законодательное регулирование «проклятой стороны» неизбежно порождают экстремизм, также как борьба с энтропией способствует ее увеличению. Некоторые вещи не поддаются регулированию, в противном случае государства не эволюционировали бы в качестве все более изощренных и сложных монополий. Поскольку приставка «контр-» к борцам с террористами не дает им автоматически морального права быть лучше, особенно если они используют те же средства, что и экстремисты. Более того, государство теряет последние рычаги регулирования, когда экстремальная практика добровольно обращена человеком на самого себя. Когда он добровольно готов обменять свою жизнь в одностороннем порядке для доказательства неких неприемлемых государством норм. Будь то публичный отказ от тех или иных гражданских прав и свобод, голодовка или даже самоуничтожение в знак протеста

действительно могут быть экстремальной практикой символической борьбы и привлечения общественного внимания. Реализацией законного права человека поступать плохо не в ущерб другим. И степень «глухоты» власти к манифестациям существующих в обществе несправедливостей здесь напрямую связана с уровнем ее легитимности.

Таким образом монополия государства на легальное насилие, распространяемая на некие амбивалентные ценности, символы и смыслы, превращается в свою противоположность. Из гарантии безопасности, широких прав и свобод (а только в качестве таковой подобную монополию на насилие в современном обществе можно терпеть и легитимировать) монополия на насилие превращается в монополию на нечто другое — определение добра и зла. Контроль над «проклятой стороной» фактически превращается в повод контроля над обществом в целом. Таким образом, экстремизм является лакмусовой бумагой, разрушителем границ монопольного нормативного поля, практикой, намечающей пределы этой «универсальной шкалы» извне. Практика экстремистов испытывает на прочность общественные конвенции относительно общепринятых норм и возможных легитимных форм борьбы с легитимной монополией.

Например, преступный с позиций государства произвол может быть оценен оппозицией и восходящими классами как революционная практика освобождения от несправедливости. Таким образом, нелегальная в аспекте существующих «разумных норм» практика может быть одновременно легитимна в перспективе мировоззрения социальных слоев и классов, чьи интересы не могут быть реализованы иначе как путем «произвольного» изменения данного общества, долговременных общественных конвенций и ограничений в виде морали, прав, свобод и обязанностей граждан.

Таким образом, гетерархия большого общества никогда полностью не устранима, являясь одним из его «теневых» фундаментальных оснований. Попытка довести борьбу с гетерархией до логического конца оборачивается тотальным подозрением к любым переменам и альтернативам, связанным с практикой активного несогласия с нормами, законами, институтами и традициями данной политической системы, частными решениями и действиями любых субъектов монополии. Гетерархия может выражать неприятие как решений отдельных должностных лиц относительно частных граждан, так и фундаментальное неприятие общественных законов, практик, институтов, социально-политического устройства общества в целом. Гетерархия бывает активной (бунт, демонстрация, митинг, забастовка, пикет, голодовка, акции гражданского неповиновения) и пассивной, связанной с отказом от публичной борьбы (инакомыслие, сознательный уход в политический андеграунд, абсентеизм, голосование «против всех», подписание петиций и обращений и т. п.).

Гетерархия также может быть как конвенциональной, направленной на поиск консенсуса на основе действующих норм права и традиций, так и неконвенциональной, то есть революционной. Некон-

венциональная гетерархия проявляется в отрицании возможности достижения поставленных целей средствами «парламентской борьбы», прибегании к прямому политическому действию в обход институтов, опосредующих социальные интересы.

Гетерархия является чутким индикатором расхождения легального и легитимного, действительного и возможного в сложившейся организации общества. Она является одним из механизмов саморазвития демократических государств, включая в себя критическую рефлексию оснований действующего политического режима, сводов законов и обычаев. Гетерархия может опираться как на нравственность, так и превращаться в политическое насилие. Но в любом случае гетерархия является самым условием возможности отстаивания своих интересов гражданами и их коллективами перед лицом государства.

б. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ГЕТЕРАРХИИ: ОТ КЛАССОВО-ИНДУСТРИАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МОДЕРНА К «НЕОТРАДИЦИОНАЛИСТСКОМУ» ГОСУДАРСТВУ

В идеальной модели современности-модерна внешние ограничения государства-монополии сводятся в минимуму, фактически здесь легальна может действовать только самоцензура. Индивидуалистическая модель большого общества основана на проекте Просвещения, которое, по словам Канта, дает каждому взрослому гражданину возможность интеллектуальной автономии, право пользоваться собственным разумом для вынесения любых своих суждений и аргументации любых своих поступков, что плохо согласуется с внешней цензурой.⁹ Для этого от человека требуется определенное мужество и смелость, поскольку подобная свобода снимает ответственность за поведение человека с любых внешних регулятивных инстанций, будь то государство, традиция, социальный класс, семья, трудовой коллектив и т. п. Эта свобода имеет оборотной стороной долг нести личную ответственность за все сказанное и сделанное. Однако государство никогда не устроит подобная саморегуляция, поскольку интересы и права отдельных людей имеют свойство пересекаться, а для разрешения конфликтов нужен посредник, хранящий нормы, то есть государство.

Современные многосоставные, плюралистические, урбанистические общества уже невозможно без их насильственной деградации и упрощения свести к традиционной одномерности, когда одно вероучение или система ценностей способны объединить абсолютное большинство. Это возможно лишь в случае, когда народное мнение никто из культуртрегеров и прогрессов спрашивать не будет. Однако подоб-

9. Кант И. Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение» // Кант И. Соч. в 6 тт. Т. 6. С. 25–36.

ное ограничение и «регуляция» гетерархии могут иметь лишь единственный эффект — расширение пространства произвола тех, кто возложил сам на себя от имени различных воображаемых конструкций и коллективных общностей (государство, Россия, мораль, бог, истина, пролетариат, «нормальные люди») монополию на определение политической нормы и патологии.

Возникает резонный вопрос — а судьи кто? Факт занятия неких государственных, властных постов вовсе не делает их легитимными «прогрессорами» в отношении всех остальных. Легальные основания монополии не самоочевидны. Поскольку в мультикультурном и мультиконфессиональном обществе все ценности имеют право на существование, в том числе если они кому-то не нравятся. Поэтому в современном секулярном мире любые внешние ограничения, адресованные взрослым людям и исходящие от инстанций государства, церкви или иной корпорации, все чаще встречают обоснованное сопротивление, так как представляют не что иное, как попытку превратить любого рационально мыслящего и самостоятельного индивида в ребенка, якобы не способного отвечать за свои действия и нуждающегося в неких «родителях», которые за него и для него будут определять «что такое хорошо и что такое плохо», решать что можно читать, писать, говорить, изображать, а что нельзя.

В подобном индивидуализированном обществе человек будет действовать скорее вопреки внешним запретам, отстаивая пространство своей привычной свободы и солидаризируясь с теми, чью свободу пытаются поставить под сомнение путем низведения к искусственному состоянию детской неправоеспособности. Любое сокращение прав и свобод, приватно-автономной сферы индивида со стороны государства является динамическим процессом и без сопротивления людей, обозначающих разумные пределы вмешательства общества в частную жизнь, ее огосударствление может зайти весьма далеко.

Безусловно, искушение монополии всегда состоит в том, чтобы вместо уговаривания, аргументации, дискуссии, диалога и попыток наладить со своими реальными или воображаемыми оппонентами равноправную коммуникацию просто запрещать, сажать, ограничивать всех тех, чьи убеждения и действия не вписываются в господствующие идеологические представления и нормы, наказывать как провинившихся детей, которые чего-то там «недопонимают». Но эффективность подобной простоты лишь кажущаяся, а в ее основе часто лежит бессилие вертикального классово-идеологическо-индустриального государства перед сетевым, мобильным и все менее связанным национальными границами обществом и его группами, неспособность государства отстоять свою правоту в интеллектуальном поле, не прибегая к системе насилия, пусть и легального, но часто уже не легитимного. Поскольку любое законное насилие становится просто насилием, если к нему прибегают слишком часто и безрезультативно.

Поэтому наблюдаемая ныне правотворческая агрессия российского государства в области определения экстремизма, регулирования выборов и информационной повестки, которая исходит из презумпции виновности граждан, ведет лишь к обратному результату. Запретный плод сладок. Лучший способ мотивировать людей что-либо сделать, это запретить данное действие. Тем более что, например, такие занудно-графоманские тексты, как, скажем, «Майн Кампф» А. Гитлера, можно прочитать только вопреки стимулирующему запрету, а вовсе не благодаря его наличию в свободной продаже. Искусственный дефицит зла и отсечение «проклятой стороны», любые ограничения будут тут же восполнены с лихвой параллельными и неформальными каналами информации.

В плюралистическом обществе ни одна идеология не может быть в монопольном положении, а общенациональная идеология, как показали бесплодные попытки ее конструирования в России 1990-х годов, вообще невозможна: любая идеология призвана выражать в историческом контексте взгляды части общества, той или иной социальной группы, но не общества в целом. Соответственно не возможна и над-идеологическая, объективирующая позиция, которая могла бы, исходя из собственных внутренних критериев, отделить экстремизм и «проклятую сторону» от «нормальных идеологий». Здесь опора государства на идеологии оказывается нефункциональна. Таким образом, государство как монополия стремительно сокращается, а легитимность способов прямого регулирования в тех или иных сферах общественной жизни постоянно падает.

Когда-то оправдание подобного регулирования строилось на великих целях, требующих жертв и самоограничительной аскезы, будь то война, соперничество с другими странами, модернизация, построение коммунизма и т. п. В современном мире подобное алиби государства воспринимается как неудачное оправдание чьих-то корпоративных интересов. Великие цели и «гранд нарративы» по сути нужны в нынешнем мире лишь тем, кто оказывается лишним в «индивидуализирующемся», информационном, сетевом обществе, складывающемся в мегаполисах — это раздутые аппараты федеральной и региональной бюрократии, спецслужбы, армия, МВД, госмонополии и пр. Поскольку в саморегулирующемся и девертикализованном урбанистическом обществе потребность в них все меньше, они теряют функциональное алиби, легитимность и финансирование.

Тем не менее уже ненужные части государственной монополии модернистского образца тоже борются за право на существование. А поскольку былая система сдержек и противовесов не работает, российское государство разрастается тем больше, чем менее общество нуждается в нем. По данным Росстата РФ к 2006 г. число чиновников выросло до 1,5 миллиона человек, что в полтора раза больше, чем общее количество чиновников в СССР. Фактически адаптационная к новым условиям административная реформа государства провалилась, а российское государство все менее способно выработать новые ме-

ханизмы лояльности граждан, взамен привычным классово-идеологическим. В результате лояльность перестает быть одним из факторов удержания монополии, поскольку должна скрепляться не только удовлетворением текущих потребностей и обеспечением относительно комфортных условий жизнедеятельности граждан, но и некой сверхидеей, которая легитимирует насилие государства и обеспечивает консолидацию общих ценностей и идеалов. Подобных спланированных проектов новейшим российским государством за последние 20 лет предложено не было. Возможно, потому, что множественные и разнообразные трансформации Модерна, ускоренные социальными изменениями постбиполярного мира, в особенности опытом развала/распада СССР, не являются окончательными в своих существенных чертах.

Происходящие трансформации российского государства как вида монополии не всегда явно выражены институционально. Такие «метаморфозы», как переходы от классового общества к массовому (потребительскому), стирание различий социальных групп и их превращение в виртуальные «группы населения», процессы трансгрессии привычных идеологий и легитимирующих политику ритуалов (выборы, демонстрации, опросы, референдумы и т. д.), индивидуализация и урбанизация постмодернового мира, все еще плохо описываются доминирующим ныне категориальным аппаратом эпохи Модерна.

Поэтому популярные теории постиндустриализма, информационно-го или сетевого общества, «общества без идеологий и утопий», транснационализации во многом является желаемым образом будущего, нежели эффективным способом описать реальность настоящего и интегрировать на более универсальных основаниях растущую «проклятую сторону». Нации-государства все еще остаются ключевыми монополиями мировой политики, сколь бы активно их легитимность ни подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. С позиций социальной диагностики скорее можно говорить об усилении «неодновременности» современных сложных обществ, «гетерархии» государств и увеличения вызовов легитимности, стоящих перед нациями в условиях общей транснационализации политического.

Представляется, что успешность преодоления критической гетерархии выражается в том, насколько конкретному обществу удастся сгладить различные формы неравенства, допуска людей к различным возможностям и «неодновременности». В России гетерархия сегодня, безусловно, растет. И причиной тому — именно методы ее подавления, а не преодоления. Ее фундамент проявляется в имущественном расслоении; растущем образовательном и статусном неравенстве; географическом неравенстве региональных различий; ценностных конфликтах поколений, социальных и этнических групп, проживающих в урбанистических и неурбанистических культурных ландшафтах, граница между которыми является фронтиром прошлого и будущего, синтезировать которые в настоящем становится все сложнее.

В 2000-е годы эволюция государственных институтов и их легитимирующих оснований в России двигалась в направлении все большей монополизации и унификации политического пространства. Безусловно, централизация российского государства в 1990-е годы была необходима, чтобы новые политические институты и лежащие в их основе общественные логики вообще возникли и заработали, хоть как-то выполняя свои функции. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение функциональных вертикалей власти выполняли функцию алиби для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики. Государство фактически начало отказываться бороться с гетерархией и социальной энтропией в публичном политическом поле. Публичное пространство продолжает сокращаться, система формальных сдержек и противовесов постепенно отмирала, сменяясь договоренностями узкого круга лиц, а институты приобретали все более декоративный и номинальный характер. Например, несмотря на федеративное устройство России, были фактически упразднены самостоятельные пространства региональных политик. Экономика постепенно эволюционировала в замкнутую цепочку монополий федерального, регионального и местного масштаба во всех основных сегментах рынка. Контроль над основными СМИ способствовал перемещению общественных дискуссий в более маргинальные пространства (Интернет, круглые столы, экспертные клубы и т. п.).

Метод банального огосударствления экономики и разрастания контролируемой публичной сферы в современной России, призванный сократить пространство гетерархии, по сути, возвращает государство и методы его управления к классическому «советскому Модерну». С другой стороны, российское общество данный исторический этап окончательно преодолело в ходе урбанизации, перестройки и последующих институциональных трансформаций, доказав, что возврат в историю невозможен, а государственные и общественные идеологемы и структуры классического Модерна будут работать все хуже.¹⁰ К аналогичным выводам приходит и известный социолог Б. Дубин, обобщающий результаты социально-политических изменений постсоветского периода: «Ни одна из основных проблем постсоветского социума — строительство современных институтов, нормализация процессов воспроизводства общества и систем его управления, интеграция страны в большой мир — не только не решены всерьез, но отодвинуты даже их постановка и обсуждение. Большинство серьезных и неотложных реформ — земельная, армейская, образовательная, жилищно-коммунальная — не сдвинулись с места».¹¹ Соответственно, наблюдаемые в 1990–2000 годы процессы

10. См. подр.: Мартьянов В. *Метаморфозы российского Модерна: Выживет ли Россия в глобализирующемся мире.* Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

11. Дубин Б. *Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки.* М., 2007. С. 6.

изменения постсоветского государства описываются Б. Дубиным как «упразднение или кардинальная трансформация собственно современных институтов... возвращение и нарастание имперских, ностальгически или остаточно великодержавных моментов в системах коллективной идентификации [выд. авт.] российского населения — мифов об «особом пути» страны, изоляционистских установок в отношении Запада, реакций отторжения и агрессии по адресу этнических «чужаков». Это процессы нарастающей неотрадиционализации социума... воскрешение в массовом сознании мифологии силовых институтов и авторитарных систем (армии, тайной полиции)...»¹².

Более того, как аргументировано утверждает социолог Л. Гудков, «поскольку центральные институты в России, поддерживающие символику и семантику всего социального целого, — это институты государственной власти, вооруженных сил, „органов“, то “насилие”, “агрессия” превращаются в доминантные коды социальной организации населения. Где действуют нормы демонстративного насилия, там вытесняются проблематика и сам язык “понимания“»¹³.

Соответственно, наблюдаемое функциональное упрощение оказалось эффективно только во «внутренней реальности» самой власти, способом по преодолению ее собственной гетерархии в виде усмирения региональных элит, формирования механизма «преемничества», обеспечения парламентского большинства, устранения из «большой политики» независимых и несистемных игроков-олигархов, коррекции выборного законодательства и как следствия предсказуемости народных волеизъявлений и т. п. Но общая гетерархия расколотого постсоветского общества, экономическая, региональная, поколенческая и идейная дифференциация вовсе не уменьшились. Наоборот, поскольку общество имеет все меньше механизмов для заявления своих ценностей, целей и требований, все чаще рассматриваемых государством как разрастание «проклятой стороны», происходит определенная деградация обратной связи всей системы механизмов адаптации и самонастройки государства и общества к происходящим внутри и вне его изменениям. В результате, если воспользоваться биологическими аналогиями, государство начинает испытывать явные трудности с приспособлением к внешней среде системы. Поэтому возможные изменения этой среды — экономические кризисы, системные конфликты элит, природные катаклизмы, внешнеполитические вызовы и революции могут привести к элементарному уничтожению системы государственных институтов в нынешнем виде. Чем активней государством изживается «зло» гетерархии в пользу монопольного «добра» — путем замалчивания, исключения, запрета — тем все более опасные и неизлечимые формы начина-

12. Там же. С. 7.

13. Гудков Л. Д. Невозможность морали. Проблема ценностей в посттоталитарном социуме // Независимая газета. 09.04. 2008.

ет принимать «проклятая сторона», угрожая в конце концов разрушить не изнутри, но извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое) доминирующую монополию.

Основная проблема заключается в том, что монополия российского государства меняется в сторону воспроизводства и симуляции когда-то бывших эффективными исторических институтов, в направлении «неотрадиционализации», в то время как все более «индивидуализированное» российское общество меняется по направлению к будущему, которое не имеет аналогов в прошлом и настоящем, а следовательно требует не аналогий и применения отработанных временем рецептов и институтов, а творческого изобретения все новых механизмов регуляции общества, основанных на все более универсальных и эгалитарных основаниях, отсылающих не столько к пространству тех или иных исторически и культурно сложившихся национальных политий, сколько к глобальному миру. Поскольку эффективность государства в актуальной мир-системе может быть только глобальной, а национальное — лишь одно из многих мест применения глобальных социальных новаций.

Но модернистскому государству все труднее управлять массовым, потребительским, аполитическим обществом. Масса ускользает от определения своей сущности, фиксации своей идентичности, патриотической риторики (потребитель — естественный космополит), всех тех приемов национальных государств, посредством которых ей можно было бы манипулировать как политическим субъектом, единым политическим классом. В свою очередь жесткой стратегий масс является провокация, которая, будучи осуществлена демонстративно, заставляет власть прибегнуть к альтернативе, на угрозе которой строится ее сущность — к насилию. Однако власть, генетически вырастая из насилия, строится затем именно на его исключении и недопущении как на неприемлемой альтернативе, санкционирующей выбор в пользу другого решения. Поэтому необходимость прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избегания, что приводит к разрушению его власти им же самим. Это типично детское испытывающее поведение, которое, однако, может быть рекомендовано и как общественно-политическая стратегия».¹⁴ И практика оранжевых революций наглядно показывает, как технологически из подобных провокаций государства произрастают революционные изменения.

В России последних десятилетий активно фундаментально изменяется социальная структура общества, требующая иных целей, институтов и способов организации общества и принципов публичного пространства. Растет производительность труда, сокращается число рабо-

14. Луман Н. Власть. М., 2001. С. 183.

чих и крестьян. Если раньше они составляли классовое большинство, то нынче в меньшинстве. Растет влияние мегаполисов и городского населения, все больше людей с высшим образованием. Расширяется количество занятых в сфере услуг и креатива, а не поточного производства. Все это в виде превалирующей концепции потребительского общества приходит на смену классическому классово-индустриально-идеологическому обществу Модерна. Вместо классов — группы населения и массы. Вместо участия в системе производства основным критерием социальной стратификации становится уровень потребления. Вместо идеологий — прагматизм, представляющий отказ от открытой конкурентной политики, основанной на доказательстве определенных ценностей, вместо партий — лоббистские структуры, исчезающие, как только их разовая функция выполнена или провалена.

В актуальных обществах перестают работать такие формы контроля общих правил, как классические партии и идеологии. В условиях ослабления национальных государств, различные меньшинства все успешнее борются за изменение своего положения внутри общества, не будучи способны изменить общество в целом. Усиливающаяся неразрешимость конфликтов групповых интересов, когда потеряны механизмы их вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по легитимности государства, вере в его способность руководствоваться всеобщими интересами. Само государство вместо поиска новых технологий легитимации также стремится к апологии своей уникальности, а не к универсальности. В результате в обществе доминируют институты неформальные, непрозрачные и непубличные, разрастается «проклятая сторона вещей», не подчиняющаяся формальным правилам. В результате привычные институты становятся лишь придатками и продолжениями неформальных институтов и практик, лишь оформляя уже принятые решения.

В настоящее время критерием роста гетерархии в России служит то показательное обстоятельство, что открытие доминирующим культурным кодом «проклятой стороны» то в одной, то в другой сфере (идеология, культура, экономика, география, климат) оказывается столь неожиданным и болезненным для нормативного сознания властной элиты, что оно уже не прикладывает естественных для монополии усилий, направленных на включение иного во внутреннее содержание системы. Другое впервые предстает как абсолютно иное, не только не включаемое в систему, но даже не вступающее в коммуникацию с ней. В результате единственный вариант, видимый элитами, это подавление или отстранение от элементов и признаков гетерархии — географическое, институциональное, интеллектуальное, законодательное. Это проекты различных изоляций от «проклятой стороны» в виде автаркий¹⁵, «ост-

15. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000.

рова Россия»¹⁶, сохранения кода православной цивилизации¹⁷, «удержания» сакральной география евразийской державы¹⁸. Логика всех подобных проектов проста — Россия может противостоять гетерархии только путем приобретающего для нее самоценный характер удержания от варваризации и апокалипсиса. Поэтому все в мире может меняться, кроме России, для которой любые изменения пагубны, так как она выполняет незаменимую миссию — удержание равновесия глобального мира. Все это подтверждает необходимость пересмотра оснований монополии современной российской государственности, которые в почти неизменном виде наследуются из имперского прошлого и советского периода, проецируясь и на ближайшее будущее.

Проблема в том, что в современной России вновь сформировалась историческая моноцентрическая политическая система, где один центр силы — Кремль, может подавить все вместе взятые остальные центры (регионалов, гражданское общество, «третий сектор», крупные ФПГ) силовым путем. Поэтому формирование общих формальных и публичных правил игры в российской политике оказалось затруднено. Поскольку присущее европейским демократиям искусство компромисса рождается тогда, когда сложносоставное государство формируют несколько равных по своим возможностям центров силы, неизбежно приходящих к выводу, что «война всех против всех» бессмысленна. В результате начинается совместная выработка сценариев, институтов, правил, которые могли бы обезопасить от возможного политического произвола, «игры не по правилам» всех реальных политических субъектов, будь то партии, бизнес, армия, население в целом.

Таков был путь многих европейских стран, но не нынешней России, где государство последовательно трансформировало все элементы и институты, генерирующие пространство неопределенности. Например, выборы все чаще предстают не как способ ротации элит, где основная функция — генерировать неопределенности и альтернативы, а как механизм укрепления властвующих. Россия также опровергла тезис, что партии предназначены для конкуренции и захвата власти с целью реализации своих программ. Согласно принятым в современной теории правилам, политические системы, где доминирующая партия набирает более 60 процентов голосов — не могут быть демократическими сугубо по техническим основаниям. При условии соблюдения всех правил равной конкуренции идеальных выборов, ни одна из нескольких партий не способна набрать такое количество голосов естественным путем. Но отечественную власть подобные теоретические изыски не волнуют. В области избирательного законодательства гос-

16. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2000.

17. Дугин А. Апология национализма // Консервативная революция. М., 1993.

18. Гудков Л. Д. Невозможность морали. Проблема ценностей в посттоталитарном социуме // Независимая газета. 09.04. 2008.

подступают заградительные цензы и дискриминационные практики: «процессы модернизации в России блокируются центральными, символическими институтами социальной системы, режимом власти. В этом смысле надежды на авторитарный вариант модернизации бесосновательны, поскольку латентные функции этих институтов заключаются в систематической девальвации ценностей и подавлении механизмов, могущих инициировать появление более сложных форм социальной организации. Дефицит ценностей компенсируется архаическими и простыми формами регуляции — обрядоверием, имитирующим веру, традиционалистскими ритуалами, фобиями, предрассудками, мифами, санкционирующими те или иные социальные практики. Стерилизации подвергается главный принцип модерности — формирование автономной субъективности... Сегодня мало кто из «элиты» (включая и культурную) готов или хочет, как раньше, идентифицировать себя с защитой бедных и обиженных, нести просвещение, выполнять функции представительства народа перед властью, говорить о своей совестливости, сочувствии, о «добром сердце» и прочем. Эти игры кончились». Известно, что исключительными правами могут наделяться только те, кто берет на себя некие обязанности (служить, воевать, жертвовать собой и т. п.). Поэтому основная характеристика элиты, это исключительность в своей способности к самопожертвованию ради других. Только тогда она имеет моральное право решать за всех остальных, а не обретает это право в силу занятия неких постов во властной и иных иерархиях.

В области интеллектуального и морального доминирования следует признать, что отечественные элиты постсоветского периода не имеют морального авторитета, который не стоит путать с популярностью. Поэтому, невзирая на то, что они заняли верхние позиции в социальной иерархии общества, их реальная легитимность чрезвычайно низка. То же правило транслируется на действующие институты. Элиты, олицетворяющие государство, в постсоветский период не сделали ничего, что могло бы укрепить их легитимность, моральный авторитет и «естественное право» находиться там, где она находится. И проблема вовсе не в подмене национальных интересов корпоративными. Она заключается в отказе обществу в какой-либо политической субъектности, отношении к нему как к ребенку, который чего-то там недопонимает или просто капризничает. Но стоит ему «правильно» объяснить и оно согласится с единственно верным выбором, либо будет переведено в разряд адептов иностранного влияния и экстремистов, которых надо «мочить в сортирах». Например, с безальтернативностью преемника или расценками естественных монополий. А еще лучше запретить и наказать все противоречащее своеобразно понятым интересам государства для профилактики будущих несогласий, протестов и цветных революций. Тогда и объяснять не надо будет, за отсутствием инакомыслящих. В результате актуальные институты без опоры на моральный автори-

тет постепенно деградируют и мутируют, поскольку могут опираться только на угрозу насилия, произвол, административный ресурс. И терпение большинством общественного порядка, на изменение которого они почти не могут повлиять, еще не значит его действительного приятия, то есть легитимности. А реальная угроза нынешнему государству связана прежде всего с возрастанием и реваншем всего того, что последовательно подавляется и вытесняется самим государством из пространства нормы.

Поскольку группы гражданских, парагосударственных интересов сегодня слишком искушены и опытны, чтобы вступать в тот или иной конфликт с органами власти, не подготовив стратегию победы. И, как правило, власть всегда прогибается перед организованным выражением гражданского интереса, будь то интерес олигархов и элит (отмена налога на наследство и плоская шкала налогов), владельцев праворульных иномарок, получателей монетизированных льгот и т. п. Общество молчит, но молчание это обманчиво. На самом деле оно все менее предсказуемо в свой кажущейся «имплозии». И это может сыграть злую шутку с политическими элитами.

Негосударственные политические акторы отдают себе отчет в том, что уже не могут переиграть властную элиту на ее поле игры, на безальтернативных выборах и референдумах. Но поскольку этими институтами политическое взаимодействие в обществе не ограничивается, вполне возможны успехи групп гражданских интересов за пределами этого свернувшегося как шагреновая кожа пространства публичной политики. Переиграть элиты и государство можно лишь по правилам, которые они не контролируют. То есть вне законов, формальностей и условностей.

Безусловно, российское общество все больше нуждается в консолидации посредством новых институтов, легитимирующих утопий и проектов, апеллирующих к будущему и соответствующих уровню развития общества. Иначе более справедливое будущее просто не возникнет взамен слишком многих не устраивающих настоящего. И формирование общества будущего, ценностей и принципов управления им часто осуществляется не через возможности и услуги, предоставляемые «неотрадиционалистским государством», а через отказ от них, некую индивидуально-коллективную автономию от государства и даже аскезу. Поскольку отказ от переоцененных благ актуального государства и нарастающая дисфункция целей, ценностей и институтов, воспроизводящих монополию российского государства, становится отказом от самого государства, по крайней мере, в данном виде.